Негр в белом костюме.

«Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, - кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и - умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...

Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!»

«Горящее сердце». М. Горький

С незапамятных времён человеку свойственно мечтать. Мечтать о чём-то, чего ему не хватает в повседневной действительности. Есть очень светлые мечты, мечты о всеобщем благе, о справедливости для всех. Они как искорки горят в сердцах и символизируют всё самое доброе и чистое. Такие мысли, из поколения в поколение, побуждают юношей и девушек к настоящим поступкам на пути к поставленной цели, но цель эта – стремление к благополучию не личному, не меркантильному обусловленному не какой-то безделушкой вроде нового айфона, или новым автомобилем и не доходным креслом чиновника, а благополучием для всех. Ведь именно такие люди, с открытым сердцем и ясным умом несли прогресс людям, которые, в силу своего невежества, изгоняли их, терзали на улицах, как Гипатию, сдирали кожу, как с Насими, несли свой хворост для их костров, как та старушка, закинувшая свою вязанку в костёр, на котором сжигали Яна Гуса. И как горько бывает тем, чьи светлые мечты ломаются о пошлое равнодушие окружающих, чьи искорки затухают.

Очень трудно нести в себе искру доброты и честности в мире мещан. Мещане, - а они были теми и остаются во все времена теми, кто неспособен видеть дальше своего огорода. Даже в просвещённое Советское время было немало тех, чья хата всегда была с краю. Мещане-обыватели мечтали не о лучшем будущем для всего человечества, а лишь о том, как своё гнездо расширить да увеличить, как бы себе любимым где-нибудь, что-нибудь получше да побольше урвать. Пока одни думали о межзвёздных полётах и о всеобщем благе, рядом уживались те, чьи мечты были куда прагматичнее и куда более приземистее. Всякий художник, вознамерившийся изобразить ПОШЛОСТЬ, неминуемо обратится к обывательским мечтам. Представьте себе такую картину: селянин, запрягший в плуг пегаса со связанными крыльями, прикованного

длинной цепью, как бы желающий сказать: «Нечего тебе летать в облаках, надо землю пахать». Именно к таким прагматикам я обратил свои строки:

Кто мечтами в глубину

В сырую землю врос,

Если б мог и мысль свою,

Посадил на крепкий трос.

Но не буду более утомлять читателя нравоучительством, поэтому перейду к знакомству с основными героями моего повествования. Это Заур Мехтиев, Фуад Садыгов и Иван Васильев, все они учились в одной школе, в одном классе, в некогда существовавшей Азербайджанской ССР. На дворе был 1989-й год, четвёртый год горбачёвской перестройки. Ученики, тогда ещё русской школы, они часто общались и делились своими планами на будущее. Первый был сыном инженера, Фуад – начальника милиции, а Иван – железнодорожника. Заур и Фуад часто подтрунивали над Иваном за его Советский патриотизм, - новое время, когда главным становится Азербайджан, а не СССР, да и вообще равнение теперь на Турцию, а он со своей гордостью за Советский Союз – смешной дурачок какой-то говорили они про него. Но Иван не обращал внимания на их слова, изредка вставляя критические замечания. Как-то разговор зашёл о будущем и Фуад сказал:

- Скорее бы мы вышли из-под власти Москвы. Азербайджан должен стать независимым.

- А разве сейчас Азербайджан в кабале находится? – спросил Иван.

- Нет, но везде пишут: «СССР», да «СССР» и даже не упоминают про Азербайджан.

- Ага, будто нас и не существует. – вставил Заур.

- Глупости, СССР – это наша Родина, одна, единая большая. – парировал Иван.

- Ну что ты такой отсталый? Неужели ты не понимаешь, что СССР это прошлое, а будущее за Азербайджаном? Когда МЫ обретём независимость у меня будет лимузин и чёрный-чёрный негр в белом костюме, который будет открывать и закрывать для меня дверь, когда я буду садится в машину.

- Я тоже об этом мечтаю, - добавил Заур и продолжил, - всё как в американских фильмах. Вечер, вокруг горящие огни и ярко освещённый вход в большой зал, где меня ждут на какой-нибудь праздник, куда меня привозят на белом лимузине и негр в белом костюме открывает для меня дверь.

- Во-во, всё именно так и будет - поддакнул Фуад.

- «Меня, меня. Мне, мне» - как бы кому-то из вас не оказаться на месте негра в ТАКОМ будущем. – сказал Иван.

- Да иди ты. Вечно всё портишь. – огрызнулся Заур.

Фуад

После долгожданного уничтожения СССР, карьера Фуада стала складываться как нельзя лучше. Отец хотел, чтобы он пошёл по его стопам и возглавил одно из отделений полиции, но Фуад хотел добиться большего, он видел себя на одной ведущих должностей в каком-нибудь министерстве – для начала, о чём он и заявил отцу. Тот пожал плечами, но подумав, решил, что сын в общем-то мыслит правильно, но ключ в министерство лежит через хорошее знакомство, а вот тут у Садыгова старшего не было пока перспектив поставить сына выше себя, но будучи в курсе жизни многих чиновников, ему в голову пришла идея, старая как мир, но в буржуазном обществе работающая до сих пор.

- Ты хочешь стать начальником аппарата в Министерстве Социальной защиты? – спросил он своего сына и добавил – это третья должность Министерстве, над тобой будут только сам министр и его замы.

- И что от меня потребуется? – деловито спросил Фуад.

- Ты должен женится на Зульфие, дочери Аббаса Меликова.

Фуад почесал затылок: «Колченогая Зульфия, на которую без слёз не взглянешь, но с другой стороны она дочь замминистра, а это трамплин на самый верх, да и связи у Меликова куда пространнее чем у отца» - думал он и спустя небольшую паузу, ответил отцу:

- Что ж, я готов.

Отец усмехнулся и похлопав сына по плечу сказал:

- Да, сынок не каждый мужчина способен на такой «подвиг». Ты главное потом не попадись тестю с другой.

- Пап, я уж постараюсь.

* * * *

Спустя несколько лет, Фуад Садыгов уже разъезжал в лимузине. «Жизнь удалась» - думал он после очередного посещения сауны с девочками. Прилично растолстевший, он уже сам был замом министра и строил планы как ему стать министром, а для этого надо заиметь приятельские отношения с президентом,

или с Гулиевым – министром-олигархом контролирующим почти треть республики. Но пока у него такой возможности не было. Тем не менее Фуад уже знал о некоторых увлечениях «нужных» людей и в уме начал строить планы. Сегодня он должен был посетить мероприятие по случаю открытия нового пятизвёздочного отеля, который должен был открывать президент. За окном проносились городские улочки, шелест колёс и мерное покачивание машины убаюкивали и он не заметил как уснул. Вдруг, открывается дверь лимузина и он видит негра, в белом костюме – точно такого, каким представлял он себе в своих юношеских мечтах и этот негр берёт его за шиворот и буквально вытряхивает из машины. Фуад возмущается, оказавшись на четвереньках на асфальте – а вокруг толпа зевак, которые стали над ним смеяться.

- Помоги мне подняться. – обратился Фуад к негру и тот, опять-таки, за шиворот поднял его на ноги. Он хотел было что-то возразить негру, но впереди была ковровая дорожка и ему навстречу шёл сам президент. Фуад хотел было кинутся к нему, но президент прошёл мимо, даже не взглянув на него. За президентом шли его помощники и министры. Один из помощников обратился к Фуаду и сказал, что ему лучше уехать. Фуад вернулся к машине, негр открыл дверь и снова со спины взявшись рукой за воротник пиджака втолкнул его внутрь, при этом пнув его ногой в задницу. Водитель сразу завёл двигатель и лимузин стал удаляться от толпы. Фуад приняв нормальное положение в кресле, посылал проклятия негру, а тот в свою очередь остался стоять на тротуаре, скрестив руки на груди, провожая лимузин надменным взглядом полным презрения…

- ..ад мюаллим[1], Фуад мюаллим! Проснитесь, уже приехали. – послышался голос водителя и чиновник открыл глаза. Из окна был виден новый отель, на открытии которого, он должен присутствовать. «И присниться же такое» - подумал Фуад и стал выкарабкиваться из лимузина.

Открытие прошло в штатном режиме, президент разрезал красную ленту, поздравил хозяина отеля, затем все стали понемногу расходится. Засеменил к своей машине и Фуад в сопровождении двух охранников. Вдруг к нему из толпы выбегает мужчина и кричит: «Фуад, Фуад!». Он вгляделся в того кто к нему обращался и сразу же узнал в нём своего бывшего одноклассника Заура Мехтиева, в какой-то момент он хотел отвести глаза и сесть в машину сделав вид, что он не узнал его, но Заур оказался уже слишком близко. Охранники его остановили, но Фуаду из моральных соображений, пришлось сказать им, чтобы того допустили к нему. Где-то в толпе мелькнуло лицо Ивана Васильева.

[1] Мюаллим (азерб. müəllim) – букв. «учитель», но в Азербайджане также употребляется как дополнение к имени, заменяющее обращение по имени и отчеству.

- О, сколько зим, сколько лет! – с притворным радушием встретил его Фуад, - как поживаешь? Как жена, как дети? Рассказывай, только короче, а то мне надо спешить. Я ведь на государственной службе, времени совсем нет.

- Я понимаю. – ответил Заур. – У меня всё хорошо, живём-можем. Вот только у дочки проблемы. В школе совсем уели с поборами. Учат плохо, а за всё дай. Я вот к тебе обратиться хотел, может поможешь как-то их приструнить. Они ведь там совсем страх потеряли…

- Хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Не переживай. – Фуад похлопал Заура по плечу и уже собирался сесть в машину, как Заур прытко и угодливо открыл перед ним дверь и в раболепной позе впустил его в салон, а затем столь же заискивающе закрыл за ним дверь помахав рукой на прощанье.

Пока ехали, Фуад по мобильнику отчитал своих охранников, ехавших за ним:

- Сколько раз, вам идиотам, я говорил, чтобы не допускали ко мне всяких неудачников. Если жить не умеют, то это их проблемы, я не мать Тереза и поднимать всякое быдло со дна не собираюсь.

Заур

А вот для Заура ликвидация СССР вышла боком. Завод, на котором работал его отец приватизировали и продали какому-то спекулянту, фарцевавшему на Кубинке[2]. А тот распродал все оборудование, цеховые и прочие помещения, либо продал по частям, либо сдал в аренду переоборудовав их под офисы. 2000 рабочих были уволены и с ними и отец Заура, который эффективному собственнику оказался не нужен. Тот ходил к новому хозяину с просьбами предоставить ему хоть какую-то работу.

- Я инженер этого завода. Теперь уже бывшего завода… - говорил Мехтиев старший с волнением в голосе, – Я знаю производственный процесс. Я бы мог быть полезен…

- Ты торговать умеешь? – спрашивал в ответ хозяин.

- Но я инженер.

- Ха-ха-ха, ну нафиг ты мне нужен, если не умеешь вести торговлю.

---

[2] Кубинка – посёлок в центре Баку, один из тех, в которых, в постсталинский период, было много подпольных торговых точек, где торговали дефицитными и контрабандными товарами. Чтобы скрыть это от случайных людей, молодёжи внушали, что они не должны допускать во двор чужих, мол это зазорно для их мужской чести. Поэтому всякий кто оказался на территории кубинки должен был сказать к кому он идёт, или по крайней мере знать имя кого-либо из «авторитетных» жителей.

- Но у меня жена, двое детей. Мне нужна работа.

- Ладно, будешь у меня тут охранником на территории. И смотри, если хоть одна железяка пропадёт – шкуру спущу.

Так и стал, некогда перспективный инженер, простым сторожем на некогда большом заводе.

* * * *

После того, как отца уволили, - у того на нервной почве участились сердечные приступы, Заур крутился как мог. Его рано женили и у них родилась дочка. Завести второго ребёнка, в связи с новыми обстоятельствами, порождёнными «независимостью Азербайджана», перешло в область мечтаний. Капитализм душил всё. Но осознания причины своих несчастий так и не приходило и Заур часто выговаривал своему отцу, что тот не смог обеспечить ему достойную жизнь и теперь он вынужден жить как йетим[3], тем самым дополнительно отравляя и без того безрадостную жизнь отца. Дочка Заура подрастала, а с ней росли и расходы. Детский сад – надо подмазать, чтобы за ребёнком лучше смотрели, школа – так за веник, на день рождение учителя, директора, завуча, на занавески, на стёкла в класс, подмазать уборщице, чтобы регулярно убирала в классах и т.д. – дай, дай, дай. Многие уже с этим смирились, как с чем-то повседневным и неотвратимым. Более, того, если кто-то из родителей возмущался, так его другие родители одёргивали: «Молчи, а то всем ещё хуже будет».

Он часто виделся с Иваном и всякий раз пытался его уязвить каким-нибудь антисоветским выпадом:

- Ну, как скоро Коммунизм?

- Было бы скоро, да без тебя никак не получиться. – парировал Иван.

В этот раз Иван появился с обёртками из-под шоколада и чая.

- Здорово, Заур. Узнаёшь вот это? – спросил он, показывая обёртки.

- Ну да, было, было. И что?

- А то, что вам мозги антисоветской чушью так запудрили, что некоторые уже стали отрицать истину и забыв о совести повторяют, то чем их пичкают, через СМИ, сплетни и другими путями.

- Ты это зачем мне говоришь?

---

[3] Азерб. «yetim» - сирота. В позднесоветское время, этим словом, презрительно, всё чаще стали именовать людей с низким достатком, кто жил на свою зарплату, а не воровал и не брал взяток.

- А вот зачем. Помнишь, как-то ты говорил, что везде писалось только «СССР», а Азербайджан даже не упоминался?

- Помню. А что разве не так?

Иван вспылил:

- Какая же ты сволочь, однако. Читай, придурок, видишь, что написано: «Азербайджанская ССР, г. Баку, Бакинская чаеразвесочная фабрика» и вот ещё: «Азербайджанская ССР, г. Кировобад, Кировобадский кондитерский комбинат». Скажешь не знал?

Заур замялся, а потом выдал:

- Слушай, да кому нужна твоя правда, все так говорят, значит надо поддерживать. Просто ты не азербайджанец, поэтому не понимаешь.

- Выдавать ложь за правду, зная правду, в угоду большинству с промытыми мозгами – вот этого я действительно не понимаю и никогда понять не смогу.

- Дурак ты, живи как все. Вон, другие русские живут же как люди, некоторые даже ислам приняли и никто по СССР не скучает.

- У-у, как у тебя уже граница пошла по национальному признаку, ты ещё посоветуй, как неазербайджанцы тут себя вести должны. Может нам «аусвайс» носить следует?

- Ну ты загнул.

- Может и перегнул. Посмотрим, куда тебя приведёт жизнь с такими мыслями. Это ты тут харахоришься, а потом пойдёшь и какому-нибудь чинуше в ножки да и поклонишься.

- Ты меня плохо знаешь. Я никогда никому не кланялся.

- Полно, жизнь рассудит.

И жизнь рассудила. В центре города должна была состояться церемония открытия отеля, на которой должен был присутствовать президент, министры и прочая челядь. Заур и Иван были в толпе и оттуда наблюдали за происходящим. В разгар церемонии появился Фуад Садыгов. Заур позабыв обо всём кинулся к нему с просьбами помочь дочери. Тот что-то пробормотал, что дескать сделает всё что сможет и Заур услужливо открыл перед ним дверь лимузина и затем закрыл её за Фуадом стоя с заискивающим видом. Когда Фуад уехал, Заур повернулся и встретился взглядом с Иваном.

- Да, негром ты стал, а вот на белый костюм похоже деньжат не хватило. – саркастично сказал Иван.

- Заткнись! Заткнись! – заорал Заур.

- А говорил, что никому не поклонишься.

Заур схватил Ивана за грудки. В этот момент он готов бы его разорвать. И тряся его за пиджак с гневом и обидой закричал:

- Где твой хвалённый Коммунизм? Где?

Иван, глядя в глаза остервеневшему оппоненту, ответил:

- Как где, ты же и такие как ты обыватели променяли его на джинсы и жвачку, да на пиво Баварское. ПОМНИШЬ? – последнее слово он произнёс с особым интонативным акцентом.

Заур отпустил Ивана и ушёл, пошатываясь как пьяный. Земля косилась у него под ногами.

Иван

Иван с детства гордился своей страной. Едва научившись читать, следующей после школьного букваря, которую он прочитал, стала книга «Страна, где мы живём» С.А. Баруздина. Ваня зачитывался ею, по-детски веря в каждое слово и эта вера стала для него основой для горячей любви к своей большой Родине, к Советскому Союзу. Обладая чистым сердцем, мальчик считал, что и другие люди также любят свою Родину и гордятся ею. Но к сожалению, понятие «Родина» у разных людей оказалось иным, порой глубоко враждебным его, Ваниному пониманию. Однажды, когда он уже учился во втором классе, его вызвали к доске и он должен был прочитать стихотворение Маяковского «Красный ёж». Он вышел к доске и с выражением, чеканя каждое слово прочитал его, при этом в классе сначала пошли смешки, а потом все стали смеяться и только окрик учительницы заставил их замолчать. Он получил «пять», но возвращаясь за свою парту он чувствовал себя смятённым. Читать стихи с выражением, когда ты стоишь в актовом зале, перед большим скоплением людей, приехавшей комиссией и директором школы – это считалось нормальным и само собой разумеющимся, а вот прочитать стихи с выражением, просто потому что ты искренне уверен в их правильности, оказалось смешным. Выходило, что никто уже не верил в величие СССР, а лишь играли на публику и только он один, окружённый равнодушными обывателями мальчик, хранил верность той стране, которой гордился и любил.

Повзрослев, Иван всё больше и больше отдалялся от своих одноклассников и сверстников, которые постепенно скатывались в зловонное болото национализма, эгоизма и мракобесия. Всё чаще он стал слышать разговоры, о

том, что Азербайджан должен стать независимым, что должен перестать кормить русских и тому подобные гадости. Но Иван всегда старался отражать нападки на его Родину, разоблачать лживые обвинения насколько у него хватало сил и знаний. Судя по всему, только у него было понимание факта: чтобы один катался в лимузине и жил в излишествующей роскоши, сотни, а то и тысячи человек должны быть «неграми», влача жалкое существование.

Чаще всего ему доводилось общаться с Фуадом Садыговым и Зауром Мехтиевым. Он видел, как Фуад превращается в самодовольного пижона, которому, отец, жизнь предоставил на блюдечке, видел, как Заур смотрит на него с завистью и поддакивает, чтобы тот не сказал. После того как Фуад стал чиновником, к разочарованию Заура, он перестал с ними общаться. К Зауру же, Иван стал относиться как «заблудшей овце», надеясь когда-нибудь привести его в чувство.

В Азербайджане уже «вошло в моду» кичится своей мнимой «независимостью», выступавший с трибуны чиновник как-то заявил, что Азербайджан, после «стольких трудов» обретя «независимость», с большим пониманием относится ко всем другим народам, которые все ещё находятся в «кабале». Это слышали Заур и Иван. Заур сказал Ивану:

- Вот видишь, если бы Россия предоставила независимость Северному Кавказу и другим нациям которые эксплуатирует Москва они бы тоже встали на путь национального процветания и развития.

Тогда Иван не без сарказма заметил:

- А что же тогда Азербайджан не предоставит независимости талышам? Им ведь даже автономию предоставить не удосужились? А лезгины? Они ведь, согласно излагаемому принципу, должны бы стремится к объединению со своей исторической Родиной, с Дагестаном, что-то я не вижу понимания со стороны Азербайджана?

Услышавши это один из стоявших в толпе напал на Ивана. Заур поспешил разнять их, успокаивая нападавшего:

- Он русский, сам не знает, что говорит.

На что националист выкрикнул Ивану:

- Вы русские, всегда были врагами Азербайджана, всегда были предателями. Ты думаешь в Карабахе мы с армянами воевали? Нет, с русскими, мы всегда воевали с русскими.

Когда они возвращались после этого инцидента, Иван спросил Заура:

- Ты тоже, стало быть, считаешь как он?

- Мы азербайджанцы и должны поддерживать друг друга. – ответил Заур.

- Поддерживать, не взирая на то, что тот неправ?

- Ты не азербайджанец и не понимаешь, что у нас идти против своих не принято.

- «Своих»? Да неужели же ты не понимаешь, что «свои» и «чужие» не делятся по национальному признаку, а делятся только по классовому, по имущественному если это для тебя не понятно. Вот скажи какой ты «свой» президенту и его семье? Какой ты «свой» олигархам или тому же Садыгову?

- Ну они элита, но это же наша элита, конечно они не без ошибок, но да, они свои.

Иван схватился за голову. От гнева он не находил слов чтобы ответить на тупость Заура и бросил ему первое что пришло в кипящий от возмущения ум:

- Порой мне кажется, что ты и был тем самым человеком, который раздавил горящее сердце Данко.

И отвернувшись быстро зашагал прочь. Тот что-то закричал ему вслед, но Иван его не слышал. В его голове звучали слова профессора Попова[4]: «Национализм – это защита интересов национальной буржуазии»[5].

Личная жизнь у Ивана не клеилась. Девушкам не нравилась его «зацикленность» на политике, нежелание «жить как все» и плыть по течению. Для Ивана, же было неприемлемо мещанство. Он мечтал встретить женщину, которая бы разделяла его взгляды, но таковые ему не попадались. Однажды он познакомился с одной девушкой, которая очень хорошо относилась к СССР и ему показалось, что он наконец нашёл ту самую, но как-то при ней сказал, что он и сейчас всерьёз готов бороться за социализм, и, если потребуется идти на баррикады. Девушка услышав об этом заявила ему: «Э нет, мне такого не надо!» и порвала с ним.

Иван попытался было снова наладить с ней контакт, но потом подумал: «Нет, она такая же мещанка, как и другие. Когда дойдёт до дела, она меня просто предаст. Общественное бытие определяет общественное сознание».

Заур иногда подтрунивал над ним за это: что мол тебе ещё нужно?

---

[4] Имеется ввиду ПОПОВ Михаил Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, главный редактор газеты «Народная правда», действительный член Петровской академии наук и искусств, президент Фонда Рабочей Академии (http://www.rpw.ru/).

[5] Красное ТВ: http://www.krasnoetv.ru/node/27237

- Да, кроме этого, чтобы и поговорить было с ней о чём, - отвечал Иван.

К тому времени в Азербайджане уже сложилась традиция, когда на всяких мероприятиях, проводимых олигархами, – а последние, так или иначе были связаны с правящим кланом, присутствовал президент. Так и в этот раз открывали новый отель. Туда явился и бывший одноклассник Ивана и Заура Фуад Садыгов. На самом открытии ничего примечательного не было. Да и сам Иван оказался там только потому что проходил мимо и задержался поинтересоваться, что происходит. Там был и Заур. Он видел, как Заур сыграл роль негра в не белом костюме, как унизил себя перед Садыговым ради своей семьи. Они повздорили, но Ивана не радовало такое «торжество» над Зауром. Ему было за него обидно.

Они встретились через какое-то время.

- Ну как помог тебе Садыгов? – спросил Иван. Заур молчал. – Ты по прежнему его и таких как он паразитов считаешь своими?

- Я не знаю. – неуверенно ответил Мехтиев.

Джек

После того, как Заур побывал «негром», прошло около двух лет. Однажды они сидели с Иваном в недорогом кафе и пили чай. Столики были на четверых и почти все были заняты. За их столиком было два свободных места и вдруг к их столику подходит чёрный парень и по-русски просит разрешения сесть. Сидевшие за столиком не возражали. Тот сел и попросил у официанта пива. Заур, не смог сдержать своего любопытства, спросил негра:

- Откуда ты?

- Из штатов, - ответил тот.

- А как сюда то попал?

- Работу предложили. Неплохо платят. – произнеся последнюю фразу, негр тяжело вздохнул.

- Как тебя зовут и кем ты работаешь? – вмешался Иван, заметив вздох парня.

- Джек. Я водитель у вашего министра.

- Какого министра? – спросил Заур.

- Садыгова. Фуада Садыгова.

- А почему ты тяжело вздохнул, когда сказал кем работаешь? – поинтересовался Иван.

- Я развожу его на лимузине, открываю и закрываю дверь для него… Но больше всего, я хочу взять этого жирного скота за шиворот и вытряхнуть из машины бросив прямо в грязь на глазах у трудового люда. У них, благодаря таким как он и так мало радостей, так пусть бы от души посмеялись. Хотя бы раз почувствовали своё торжество над обидчиком.

Заур и Иван переглянулись.

- Ничего, Джек, придёт время и у тебя будет такая возможность и не только. – сказал Иван и добавил, обращаюсь к официанту, - Принеси-ка нам три пива.

* * * *

Историческое развитие никогда не останавливается на падении. Новорожденное новое поначалу бывает слабым, легко побеждаемым старым, но всякий раз старому бывает всё труднее побеждать новое и наступает момент, когда новое одерживает окончательную победу и в недрах нового, начинает вызревать новейшее, которое ещё слабо и сражаемо, но всякий раз всё более крепнущее, всё более жизнеспособное и наливающееся новыми силами. Поэтому пусть не радуются контрреволюции реакционеры: националисты, клерикалы, либералы, монархисты и прочая сопутствующая им нечисть. Всякая контрреволюция есть преддверие новой Революции, которая, подобно тому как шквальный ветер разносит в щепы ветхие строения, снесёт и их на задворки истории, загнав под старые колоды к остальным гадам ползучим. Ибо не будет им места в человеческом обществе, в котором всестороннее развитие каждого, станет залогом развития всего общества, когда все люди станут гражданами планеты Земля. И не будет в этом мире голода и безработицы, не будет межнациональной и прочей вражды, ибо основа для их существования – частная собственность на средства производства будет упразднена. Наступит Золотая Эра человечества и чтобы её приблизить, мы уже сегодня должны изжить в себе человека прошлого, вытравить из головы национализм, религию, меркантилизм и начинать строить новую жизнь. Как верно подметил профессор М.В. Попов: «Тот кто хочет построить социализм, сначала должен построить его в своей голове».

Филипп Траум

5-7 июля 2016 г.